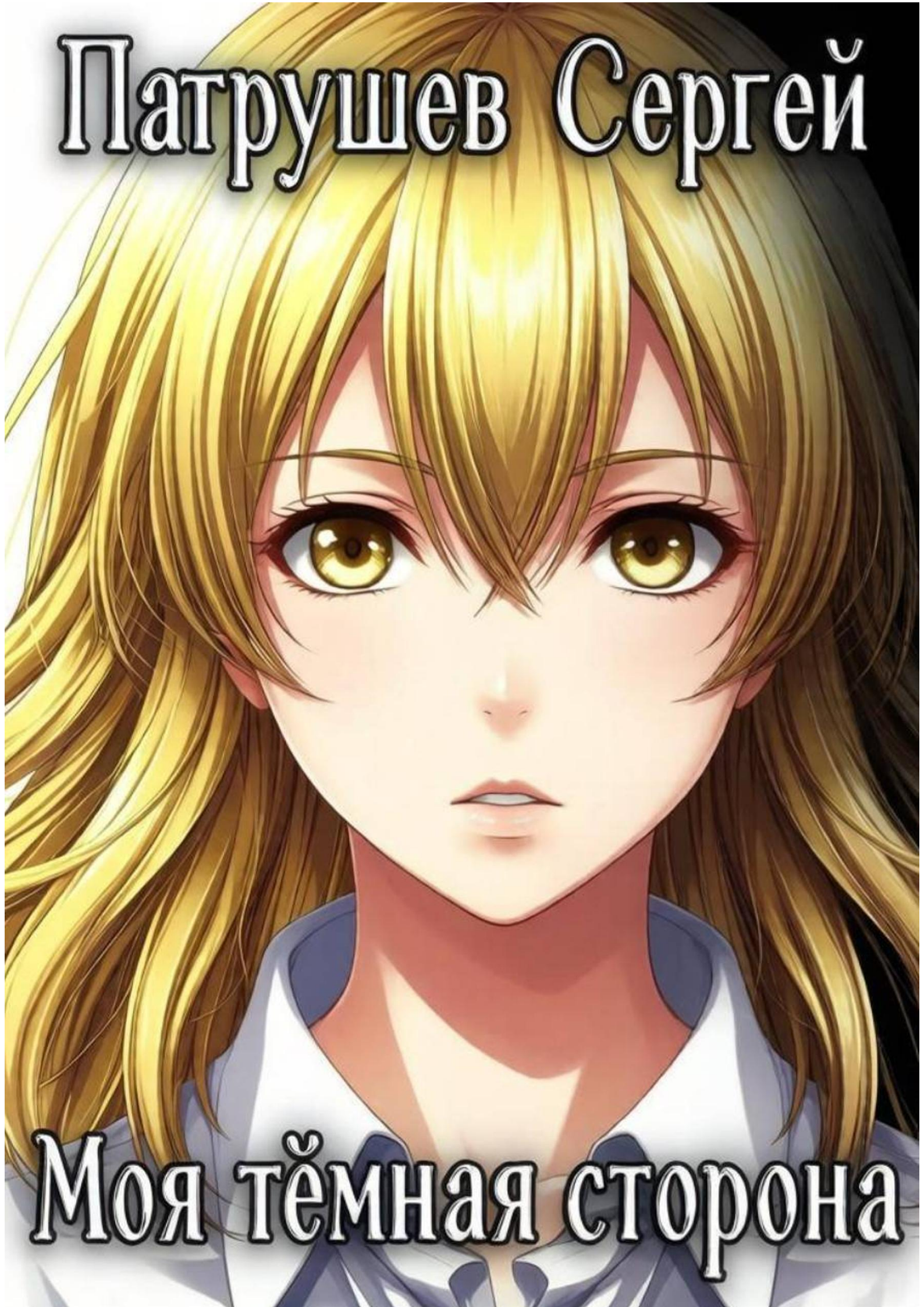

Патрушев Сергей

Моя тёмная сторона

Сергей Патрушев

Моя тёмная сторона

«Автор»

2026

Патрушев С.

Моя тёмная сторона / С. Патрушев — «Автор», 2026

История леди Алисы де Вэйверли, чья кротость и доброта привели её семью на грань разорения. Найдя в подвале зеркало с заключенной древней сущностью, она обретает силу подчинять волю мужчин одним взглядом. Превратившись в безжалостную герцогиню Элей, она начинает триумфальное шествие по столице, собирая власть, технологии и армию големов. Однако её путь усеян трупами от отравленных соперниц до обезумевших толп. Когда алхимия любви оборачивается кровавой бойней за право обладания, ей предстоит сделать выбор между властью над сердцами и стальным порядком империи.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Святая простота	5
Глава 2. Дебют и первая жертва	11
Глава 3. Триумфальное шествие	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

Моя тёмная сторона

Глава 1. Святая простота

Запах прелой листвы и остывающего камня был для Алисы родным. Он вьелся в подолаы её платьев, пропитал кружевные манжеты и навсегда поселился в тяжелых бархатных портьерах главного зала замка Вэйверли. Это был запах увядания, медленного, но неотвратимого умирания древнего рода, последним представителем которого по прямой линии оставалась она — двадцатилетняя леди Алиса де Вэйверли.

Ее отец, старый граф Эдмунд, умер прошлой зимой от простуды, которую лекари называли чахоткой, а старая кухарка Марта шептала на кухне, что это сглаз. С тех пор замок окончательно опустил руки. Каменные горгульи на крыше заросли мхом, гербовые щиты в холле покрылись паутиной, а некогда ухоженный парк превратился в дикий лес, где волки чувствовали себя увереннее людей. У семьи не было золота, чтобы нанять новых стражников или починить прохудившуюся крышу восточного крыла. Но главное — у них не было воли к жизни. Все, кроме Алисы.

Алиса верила, что доброта спасет мир. Эта мысль казалась окружающим такой же нелепой, как если бы она заявила, что сможет голыми руками остановить надвигающуюся бурю. Мир вокруг нее жил по законам грубой силы и изощренной лжи. Соседний барон Реджинальд уже трижды присылал сватов, прозрачно намекая, что готов взять замок Вэйверли вместе с приданым невесты, закрыв глаза на ее бесприданство. Каждый раз Алиса вежливо отказывала, ссылаясь на траур, хотя срок его давно истек. Она знала: стоит ей выйти за него замуж, и первым делом он продаст вековые дубы парка на дрова, а старую библиотеку пустит на растопку каминов.

В то утро она сидела на ступенях кухонного крыльца, перебирая фасоль. Солнце только начало подсушивать ночную росу, и воздух пах влажной землей. К ней подошел конюх Томас, огромный детина с вечно красным лицом и запахом дешевого эля. Он переминался с ноги на ногу, комкая в руках выдавшую виды шапку. — Леди Алиса... — пробасил он, глядя куда-то поверх ее головы. — Я того... монеты из вашей шкатулки взял. Третьего дня. Там всего три серебряных было. На лекарство дочке. Горячка у нее, совсем плоха.

Любая другая аристократка на месте Алисы кликнула бы управляющего, приказала бы выпороть наглеца на заднем дворе, а после сдать городской страже. Любой другой хозяин вышвырнул бы вора без выходного пособия посреди зимы.

Алиса подняла на Томаса свои огромные серые глаза. В них не было ни гнева, ни осуждения. Только бесконечная, вселенская усталость пополам с сочувствием. — Иди домой, Томас, — тихо сказала она. — Твоя Агнес важнее этих монет. Возьми еще корзину яблок из погреба, они все равно начинают подгнивать. И скажи жене, пусть заварит сушеный липовый цвет с медом. Жар хорошо сбивает.

Томас моргнул, недоверчиво посмотрел на девушку, словно ожидая подвоха, затем неуклюже поклонился и побрел прочь, бормоча проклятия самому себе. Алиса проводила его взглядом. Три серебряных — это плата за два мешка муки. До следующего урожая еще полгода. Она вздохнула, высыпала фасоль в миску и пошла в дом. Доброта была дорогой валютой, и бюджет дома Вэйверли трещал по швам.

К полудню прибыли гости. Леди Беатрис Ротервуд прибыла не одна, а в сопровождении своей неизменной тени — худосочной виконтессы Элинор, которая хихикала так часто, что казалось, будто у нее нервный тик. Беатрис была полной противоположностью Алисы: смуг-

лая, громогласная, затянутая в корсет последнего столичного фасона, который делал ее талию похожей на песочные часы, готовые вот-вот разбиться. Ее платье цвета бургундского вина стоило больше, чем годовой урожай пшеницы со всех земель Вэйверли.

Они вошли в утреннюю гостиную, где Алиса пыталась спасти выцветший гобелен, пришивая к нему новую шелковую нить. — Боже мой, дорогая, — начала Беатрис с порога, даже не удосужившись поздороваться, — вы сами штопаете эти пыльные тряпки? Неужели ваш управляющий настолько обнаглел, что требует жалованья?

Элино́р тут же залилась своим фирменным смехом-колокольчиком: — Ти-и-ик! Ти-и-ик!

Алиса аккуратно воткнула иглу в ткань и отложила работу. — Добрый день, Беатрис. Здравствуйте, Элино́р. Чай? Кажется, остался еще тот цейлонский, что привозил дядюшка Герберт. — Оставьте свой чай, мышка, — фыркнула Беатрис, падая в кресло, жалобно скрипнувшее под ее весом. — Мы приехали посмотреть на руины. Говорят, ваша западная башня дала трещину. Надеюсь, она рухнет ночью и похоронит вас под собой, это будет весьма поэтично. А земли наконец перейдут тому, кто умеет ими управлять. Например, моему брату.

Слова должны были ранить. Они были точными, жестокими и били по самым больным местам. Замок действительно разваливался. Земли прорастали сорняками. Род угасал.

Но Алиса лишь слабо улыбнулась. Она встала, подошла к буфету и достала две фарфоровые чашки. — Вы всегда отличались прямоотой, кузина. Это редкое качество. Прошу, садитесь. Элино́р, вам с сахаром? Я помню, в детстве вы любили макать в чай сухие бисквиты до состояния каши.

Упоминание о бедном, почти нищем детстве в доме мелкого чиновника заставило Элино́р поперхнуться смехом. Беатрис сузила темные глаза. Такая неуязвимость выводила ее из себя сильнее, чем открытые слезы. Если врага нельзя пронзить шпагой, нужно отравить сам воздух вокруг него.

— Кстати, о балах, — протянула Беатрис, принимая чашку из рук Алисы. — Герцог Малькольм дает прием через неделю. Весь свет там будет. Включая Его Величество. Вы ведь тоже собирались? Какое платье планируете надеть? То серое, напоминающее чехол для мебели, или то унылое синее, которое старше моей бабушки?

Она говорила нарочито громко. Из-за полуоткрытой двери библиотеки слышался шорох — там сидел нотариус, оформляющий бумаги о залоге части леса. Беатрис прекрасно знала, что он там.

— У меня есть старое кружево матушки, — спокойно ответила Алиса, разглаживая складки на скатерти. — Я думаю перешить свое лучшее платье. Иногда старые вещи обретают новую жизнь, если вложить в них немного труда и любви. — Труда и любви! — передразнила Беатрис, ставя чашку на блюдце с таким звоном, что та треснула. — Ах, какая пастораль! Знаете, душечка, почему вас никто не берет замуж? Дело не в отсутствии денег. Деньги можно найти. Дело в том, что рядом с вами любой мужчина чувствует себя идиотом. Рядом с живым святым невозможно дышать спертым воздухом реальности. От вашей кротости сводит зубы.

Беатрис наклонилась вперед, оперев локти в колени. Запах ее тяжелых мускусных духов стал невыносимым. — Вы позволяете воровать своему сброду. Вы кормите бродяг у задних ворот, пока ваши собственные стены покрываются плесенью. Вы прощаете оскорбления. Вы — ходячая насмешка над дворянской честью. Мой брат прав: такие, как вы, заслуживают вымирания. Природа избавляется от слабых особей.

Тишина, повисшая в гостиной, стала плотной, как вода. Даже вечная спутница Беатрис перестала хихикать и смотрела в свою чашку с ужасом. Нотариус за дверью замер, перо зависло над бумагой.

Алиса почувствовала, как внутри привычно поднимается волна горькой обиды. Хотелось закрыть лицо руками и заплакать, как плакала ее мать много лет назад, когда кредиторы описывали мебель. Хотелось крикнуть Беатрис в ее красивое, злое лицо, что та сама выросла на

милостыню, что ее брат — карточный шулер, а муж спит со всеми камеристками подряд. Но гнев был слишком тяжелым чувством. Он требовал энергии, которой у Алисы просто не осталось.

Она молча собрала осколки треснувшей чашки. Пальцы мелко дрожали. — Вам пора, Беатрис, — ровно произнесла она. — Дорога до Ротервуда неблизкая, а осенние туманы коварны. Кучер может заблудиться.

Беатрис поняла, что спектакль окончен. Она получила свое удовольствие, выжгла очередную поляну в душе этой странной девочки и теперь испытывала пресыщение. — Бывайте, мышка, — бросила она, тяжело поднимаясь. — Молитесь своим добрым богам, чтобы зима была мягкой. Иначе весной найдут только ваши косточки.

Когда стук копыт их экипажа затих вдаль, Алиса еще долго стояла посреди гостинной. Она не чувствовала холода от сквозняка, гуляющего между рамами. Внутри образовалась сосущая пустота. Доброта не спасала. Она работала только в одну сторону: ты отдаешь последнее, а тебе взамен плюют в лицо и обещают скорую смерть твоему дому. Вера, которая десятилетиями держала ее на плаву, вдруг показалась хрупким стеклом. Что, если Беатрис права? Что, если быть светом во тьме — значит просто стать удобной мишенью?

Чтобы не разрыдаться на глазах у прислуги, которая и так смотрела на нее с собачьей преданностью и жалостью, Алиса развернулась и быстрым шагом направилась в единственное место, где ее никто не мог достать — в старую библиотеку.

Библиотека Вэйверли была сердцем замка. Двести лет здесь собирали знания: тяжелые фолианты в кожаных переплетах, пожелтевшие карты несуществующих королевств, трактаты по алхимии и запретные стихи поэтов-изгнанников. Теперь книги медленно убивала сырость. Полки из темного дуба потемнели еще сильнее, углы заросли седой пылью, а единственный витраж в высоком окне — изображавший сову с книгой — пошел трещинами от времени.

Алиса прошла мимо стеллажей, касаясь пальцами потертых корешков. Вольтер, Локк, Спиноза... Философы рассуждали о свободе воли и общественном договоре, но ни один из них не написал инструкции, как выжить благородной душе среди шакалов.

Она толкнула низкую дубовую дверь в дальнем конце зала. За ней начиналась винтовая лестница, ведущая в родовой склеп и глубокий подвал, где прежние поколения хранили редкие винтажи и древние архивы. Здесь стоял густой, неподвижный холод, который не могли прогреть даже самые жаркие летние дни. Факелы на стенах давным-давно догорели, и Алисе пришлось на ощупь спускаться по скользким ступеням. Сырость хватала ее за щиколотки ледяными пальцами.

Подвал оказался завален старой мебелью, изъеденными молью знаменами и горами полусгнивших деревянных ящиков. Свет едва просачивался сверху сквозь открытую дверь, превращая тени в причудливых чудовищ. Алиса сделала несколько шагов внутрь, отстраненно думая, что нужно велеть конюху Томасу принести сюда лампу и разобрать этот хлам. Среди старых вещей наверняка найдется пара вещей, которые можно продать перекупщикам в городе, чтобы купить ту самую муку...

Ее нога наткнулась на что-то твердое. Посмотрев вниз, Алиса увидела край массивной деревянной рамы, присыпанной землей и трухой. Она опустилась на колени, сметая мусор ладонями. Под слоем пыли обнаружилось зеркало.

Оно было огромным, в человеческий рост, заключенным в тяжелую раму из почерневшего серебра. Резьба на ней изображала не привычных ангелов или виноградные лозы, а нечто тревожное: переплетающиеся ветви терновника, клюющих друг друга ворон и искаженные лица, переходящие в геометрический узор. Стекло было мутным, покрытым сеткой мельчайших трещин, похожих на морозный рисунок.

Алиса никогда раньше не видела этого зеркала. Оно явно стояло здесь очень давно — дерево рамы успело окаменеть. Зачем семье понадобилось прятать такую вещь в самом дальнем

углу подземелья? Почему его не повесили в парадной зале, как делали все уважающие себя дворяне?

Повинуясь внезапному порыву, она провела рукой по стеклу, стирая толстый слой пыли.

Холод ударил мгновенно. Это не был обычный холод старого камня. Это был космический, абсолютный ноль, вымораживающий влагу в легких. Воздух вокруг зеркала загустел, превратившись в сизый туман. Пламя свечи, которую Алиса успела прихватить внизу, дрогнуло и погасло, оставив ее в крошечной темноте.

Она отшатнулась, прижимая руку к груди. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Паника — слепая, животная — сжала горло. Ей захотелось бросить эту страшную вещь, бежать вверх по лестнице, запереть дверь на засов и никогда больше не вспоминать об этом месте.

Но вместо этого она шагнула ближе.

Ее собственное отражение в старинном стекле выглядело чужим. Бледное лицо с тенями под глазами, выбившиеся из строгой прически каштановые пряди, простое льняное платье... Обычная уставшая девушка.

Алиса положила ладони на ледяную гладь. Поверхность зеркала не отражала свет — она поглощала его. Казалось, если заглянуть достаточно глубоко, можно увидеть саму бездну.

И тогда оно ответило.

Сначала изменился фон. Вместо гнилых ящиков и каменных стен подвала за спиной Алисы отразилось ночное небо, полное незнакомых, болезненно ярких звезд фиолетового оттенка. По этому небу текли реки расплавленного серебра.

Затем изменилось само пространство. Рама зеркала в отражении раскалилась докрасна, шипя, как змея. Терновые ветви ожили и потянулись прямо к лицу девушки в стекле.

Алиса хотела отдернуть руки, но пальцы примерзли к серебру. Холод проник под кожу, впиваясь в кости тысячами иголок. Боль была острой, очищающей, вытесняющей из головы все мысли о долгах, о хлебе, о язвительных словах Беатрис. Осталось только холодное пламя, пожирающее ее изнутри.

Она посмотрела в глаза своему двойнику.

Серые радужки той, второй Алисы стремительно темнели. Чернота заливала белок, расширяя зрачки до нечеловеческих размеров. А затем, глубоко в этой черноте, вспыхнул огонь. Сначала крошечная искра, потом разгорающийся уголек, и спустя секунду оба глаза в отражении полыхнули чистым, густым алым цветом. Цветом свежей крови. Цветом бешенства. Цветом древней, первобытной магии, которая спала в роду Вэйверли сотни лет и ждала именно такого момента — момента полного краха человеческой надежды.

Отражение улыбнулось. Но это была не кроткая, извиняющаяся улыбка Алисы. Углы губ стеклянной копии изломились в жестоком, торжествующем оскале, обнажив ряд зубов, острых, как у хищника.

— Наконец-то, — прошелестел голос. Он звучал одновременно снаружи, от самого стекла, и внутри черепа Алисы. Голос был сухим, как скрежет песка, и глубоким, как гул землетрясения. — Сколько веков эта плоть носила маску овцы.

Алиса попыталась закричать, позвать на помощь, выдохнуть хоть слово, но легкие отказались служить. Воздуха не было. Был только красный свет, заливающий мир, и осознание того, что бескомпромиссная, жертвенная доброта, которой она жила всю свою жизнь, только что умерла в сыром подвале замка Вэйверли.

Пальцы внезапно отпустило. Холод схлынул так же резко, как и появился. Свеча на полу снова вспыхнула ровным желтым пламенем.

Алиса упала навзничь, больно ударившись затылком о каменный пол. Она судорожно вдохнула, втянув в себя затхлый запах плесени. Сердце билось пойманной птицей.

Она приподнялась на локтях и обернулась к зеркалу.

Это было обычное старинное стекло. Очень грязное, помутневшее от времени, покрытое черной пылью. Никакого красного огня. Никаких звездных рек. За спиной в отражении виднелись все те же гнилые ящики. Рама из почерневшего серебра была холодной, мертво-холодной, но вполне земной.

Галлюцинация. От нехватки воздуха в закрытом подвале. От пережитого унижения. Просто обморок.

Дрожащими руками Алиса стерла испарину со лба. Нужно подняться. Нужно идти наверх. Нужно распорядиться насчет ужина, проверить счета и написать письмо тетушке в столицу с просьбой одолжить хотя бы сотню золотых. Жизнь должна продолжаться. Доброта должна победить. Обязательно должна.

Она оперлась рукой о пол, чтобы встать, и случайно задела рукав платья о край серебряной рамы.

Ткань зашипела. Алиса вскрикнула и дернула руку. На плотном льне, чуть выше запястья, зияла ровная круглая дыра с оплавленными краями. Серебро оставило на коже тонкий красный след ожога, точно повторяющий узор клюющей вороны. Ожог пульсировал тупой болью, горячей и абсолютно реальной.

Алиса медленно поднялась на ноги. Она смотрела на свою дымящуюся руку, потом перевела взгляд на зеркало. В тусклом свете единственной свечи стекло пошло мелкой рябью, словно водная гладь от брошенного камня.

Доброты больше не существовало. Где-то в глубине старого замка, в промерзшем подвале, открыло глаза нечто иное. И красные глаза в отражении ждали своего часа, чтобы взглянуть на мир уже не через решетку ребер Алисы де Вэйверли.

Леди Беатрис щелкнула веером, разгоняя дым дорогих папирос. Карета, запряженная четверкой вороных коней, мерно покачивалась на разбитой осенней дороге. — Скучная девка, — процедила она, обращаясь к притихшей Элинор. — Ни слез, ни истерики. Деревянная кукла. — Тик! Тик! — согласно отозвалась виконтесса, пытаясь поправить съехавшую набок шляпку.

Беатрис выглянула в окно. Над верхушками деревьев Вэйверли собирался неестественно густой, черный туман. Он клубился, игнорируя направление ветра, и оседал на золотой листве липкой изморозью. Птицы в лесу замолчали разом, словно подавившись собственным щебетом. Даже лошади захрапели, испуганно косясь на придорожные кусты, и прибавили ходу, несмотря на вожжи кучера.

— Жаль, — задумчиво протянула Беатрис, отворачиваясь от окна. — Я думала, она сломается сегодня. Всегда интереснее смотреть, как хрустит хребет, а не наблюдать за мертвым спокойствием. Впрочем, неважно. Пусть гниет в своих стенах. Братец Реджинальд подождет до весны.

Она откинулась на подушки, прикрыв глаза. Но покоя не было. Перед внутренним взором, сменяя образ плачущей Алисы, стояло другое видение, мимолетное и потому особенно жуткое: бледное лицо хозяйки Вэйверли в полумраке, и вспышка двух рубиновых угольков глубоко в глазницах. Беатрис списала это на игру света и свое богатое воображение, но неприятный осадок на языке, похожий на вкус ржавчины, никуда не делся.

— Домой, — коротко бросила она кучеру. — И ради бога, погоняй быстрее. Мне кажется, за нами кто-то дышит.

В подвале замка Алиса стояла перед зеркалом до тех пор, пока свеча не оплыла до основания.

Она ждала возвращения красного огня. Ждала голоса. Ждала обещания власти, скрытого в шепоте «Наконец-то». Но стекло молчало, храня свою обычную глухую тайну.

Она дотронулась до ожога на руке. Кожа покраснела, но пузырей, характерных для обычного термического повреждения, не было. Метка вороны словно впиталась под кожу, став частью ее самой.

Алиса посмотрела на свои ладони. Те самые ладони, которыми она сегодня утром гладила по голове дочь конюха и раздавала хлеб нищим у ворот. Руки, созданные для благословений.

Она медленно сжала правую руку в кулак. Костяшки пальцев побелели. Впервые в жизни движение не причиняло ей внутреннего протеста. Напротив, сжатие кулака принесло странное, извращенное облегчение. Словно мышцы вспомнили движение, которое тысячи лет назад было для них естественным.

Где-то наверху, в главной башне, часы пробили полночь. Старый механизм кашлянул шестеренками и замолчал.

Алиса повернулась и пошла к лестнице. Она больше не сутулилась, стараясь казаться меньше и незаметнее. Ее плечи расправились. Походка утратила мягкую кошачью неуверенность и приобрела тяжелый, чеканный ритм. Каждое соприкосновение ботинка с камнем отдавалось в тишине подвала звуком удара молотка по наковальне.

Она поднялась в библиотеку. Сев за массивный письменный стол отца, она выдвинула ящик. Достала тяжелую латунную печать рода Вэйверли — оскалившегося волка, держащего меч. Затем взяла чистый лист пергамента.

Алиса обмакнула перо в чернила. Перо сухо царапнуло бумагу, оставляя первую точку. Она не знала, кем является сейчас — жертвой, сошедшей с ума, или сосудом для чего-то бесконечно более древнего и голодного, чем человеческая мораль. Она не знала, спасет ли такая сила ее замок или уничтожит остатки ее души.

Но она точно знала одно: леди Беатрис Ротервуд совершила ошибку. Нельзя безнаказанно топтать землю, под которой спит древний голод.

Алиса начала писать. Буквы выходили резкими, угловатыми, совершенно непохожими на ее обычный округлый, мягкий почерк. Это было приглашение. Официальный запрос на аудиенцию. «Герцогу Малькольму. Имею честь принять ваше предложение обсудить будущее моих земель лично. Буду на вашем балу. Вместе с моим единственным наследством».

Она посыпала песок на свежие чернила. Когда она сдула его, на столе осталась лежать подписанная смертельная угроза, заверенная печатью с волком.

В темноте коридора за дверью библиотеки что-то шевельнулось. Тень, отбрасываемая канделябром, на мгновение обрела объем, вытянулась до потолка, сложив за спиной перепончатые крылья, а затем вновь расплзлась по полу обычными лужицами мрака.

Алиса подняла голову и прислушалась. Она не испугалась. Тот холодный огонь, что зажегся в ее глазах в подвале, теперь тлел где-то глубоко внутри, согревая кровь лучше любого очага. Тепло ненависти оказалось гораздо более надежным топливом, чем тепло всепрощения.

Она улыбнулась. Совсем не так, как привыкла улыбаться местным сплетницам. Эту улыбку завтра утром увидел бы случайный свидетель, он бы перекрестился и побежал в церковь заказывать молебен об изгнании бесов.

Зима обещала быть долгой. И впервые за долгие годы леди Алиса де Вэйверли ждала ее с нетерпением.

Глава 2. Дебют и первая жертва

Бал у герцога Малькольма был событием, о котором говорили во всех уголках королевства. Это было не просто светское мероприятие — это была арена, где решались судьбы, заключались союзы и разбивались сердца. Для Алисы де Вэйверли этот бал стал первым выходом в высший свет после смерти отца. Она знала, что идет туда как изгой, как тень прошлого величия своего рода. Но теперь внутри нее горел алый огонь, который она прятала под маской кротости.

Она стояла перед зеркалом в своей спальне, глядя на свое отражение. Платье, которое она собиралась надеть, было простым по фасону, но изысканным по ткани. Темно-синее бархатное платье с серебряной вышивкой по корсажу и рукавам. Оно подчеркивало ее бледную кожу и серые глаза, а высокий воротник скрывал ожог на шее — след от зеркала в подвале. Волосы были уложены в высокую прическу, украшенную единственной жемчужиной. Никаких драгоценностей, кроме фамильного перстня с гербом Вэйверли. Она больше не хотела быть незаметной. Сегодня она должна была заявить о себе.

В дверь постучали. На пороге появилась Марта, старая кухарка, которая служила еще при ее матери. — Леди Алиса, карета готова. Кучер ждет внизу. Алиса кивнула, поправляя складки платья. — Спасибо, Марта. Передай Томасу, чтобы он присмотрел за замком. И пусть никто не спускается в подвал. Марта удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Она привыкла к странностям молодой хозяйки.

Когда Алиса спустилась вниз, ее уже ждал экипаж. Старый лакей помог ей сесть, и карета тронулась. Дорога до замка герцога заняла почти час. По пути они проезжали мимо полей, где крестьяне убрали остатки урожая, и лесов, которые казались темными и угрожающими в свете заходящего солнца. Алиса смотрела в окно, вспоминая слова Беатрис. «Такие, как вы, заслуживают вымирания». Что ж, сегодня она докажет обратное.

Замок герцога Малькольма сиял огнями. Огромный, окруженный рвом с водой, он напоминал сказочный дворец. Флаги развевались на ветру, музыканты настраивали инструменты, а слуги сновали туда-сюда, готовясь к приему гостей. Когда карета Алисы подъехала к главному входу, толпа аристократов уже собралась у парадных дверей. Все взгляды обратились на нее.

Беатрис Ротервуд стояла в центре группы молодых дам, смеясь над чем-то. Увидев Алису, она на мгновение замерла, а затем улыбнулась так широко, что стали видны десны. Элинор хихикнула, прикрыв рот веером. — Смотрите-ка, кто почтил нас своим присутствием! — воскликнула Беатрис, делая шаг вперед. — Неужели леди Вэйверли решила выйти из тени? Какое смелое решение!

Алиса вышла из кареты, опираясь на руку кучера. Она сделала глубокий вдох и направилась к дверям, игнорируя шепотки за спиной. Ее появление вызвало фурор. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то с любопытством, но большинство — с презрением. Она была одета слишком скромно для такого мероприятия, и это сразу выделяло ее из толпы разряженных дам.

Герцог Малькольм встретил ее лично. Это был грузный мужчина лет пятидесяти с красным лицом и маленькими хитрыми глазками. — Леди Вэйверли! Рад видеть вас в добром здравии, — проговорил он, целуя ее руку. Его губы были влажными и холодными. — Прошу прощения за то, что не смог выразить соболезнования раньше. Ваш отец был достойным человеком. — Благодарю, ваша светлость, — ответила Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я ценю ваше внимание. — Надеюсь, вы останетесь на ужин? — спросил герцог, внимательно изучая ее лицо. — Нам будет приятно ваше общество. — Почту за честь, — ответила Алиса.

Она прошла в бальный зал. Музыка гремела, пары кружились в танце, бокалы звенели, смех смешивался с разговорами. Здесь царила атмосфера праздника, но Алиса чувствовала себя чужой. Она подошла к столу с напитками и взяла бокал шампанского. Пузырьки щекотали нос, но алкоголь не приносил утешения. Ей нужно было найти Мэри.

Мэри была дочерью мелкого дворянина, который недавно получил титул благодаря удачной женитьбе. Она была известна своими экспериментами с зельями и травами, которые продавала молодым дамам, желающим привлечь внимание кавалеров. Алиса встретила ее неделю назад в библиотеке, когда искала информацию о родовом проклятии Вэйверли. Мэри рассказала ей о своем новом изобретении — любовном зелье, способном заставить любого мужчину влюбиться без памяти.

— Вы должны попробовать его, леди Алиса, — говорила тогда Мэри, блестя глазами. — Представьте, какой эффект оно произведет на балу! Наследник герцога, лорд Эдвард, известен своим снобизмом и высокомерием. Он никогда не посмотрит на такую, как вы. Но с моим зельем... — А как оно действует? — спросила Алиса, хотя уже знала ответ. — Достаточно одного легкого «пшика» на запястье или шею. Запах привлекает мужчин, заставляя их терять голову. Они видят в вас идеал красоты и добродетели. Это абсолютная власть, леди Алиса. Абсолютная.

Тогда Алиса отказалась. Но сейчас, стоя посреди зала, полного людей, которые считали ее ничтожеством, она поняла, что готова использовать любое оружие. Она нашла Мэри в углу зала, та оживленно беседовала с группой молодых офицеров.

— Мэри, нам нужно поговорить, — тихо сказала Алиса, подходя к ней. Мэри обернулась, ее лицо просияло. — Леди Алиса! Рада вас видеть. Вы пришли вовремя. Бал только начинается, а наследник уже здесь. — Где он? — спросила Алиса. — Там, у окна, разговаривает со своей невестой, леди Клариссой. Видите ту блондинку в розовом? Алиса посмотрела в указанном направлении. Лорд Эдвард действительно стоял там. Высокий, стройный, с правильными чертами лица и ледяными голубыми глазами. Рядом с ним стояла девушка в пышном розовом платье, смеющаяся и щебечущая. Они выглядели идеальной парой.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Дай мне флакон. Мэри достала из ридикюля маленький хрустальный флакончик с серебристой жидкостью. — Только один легкий «пшик», помните. Больше не нужно. Иначе последствия могут быть непредсказуемыми. Алиса взяла флакон и спрятала его в складках платья. Затем она направилась к выходу из зала, сославшись на необходимость освежиться. Оказавшись в коридоре, она открыла флакон и нанесла одну каплю на левое запястье. Жидкость впиталась мгновенно, оставив лишь едва уловимый металлический запах.

Вернувшись в зал, она почувствовала легкое головокружение. Мир вокруг словно изменился. Звуки стали приглушенными, цвета — ярче, а люди — более отчетливыми. Она увидела, как лорд Эдвард поднял взгляд и посмотрел прямо на нее. Его глаза расширились, а лицо застыло в изумлении. Он что-то сказал своей невесте, извинился и решительно направился к Алисе.

Леди Кларисса осталась стоять у окна, сжимая веер побелевшими пальцами. Ее лицо выражало смесь шока и обиды.

Лорд Эдвард подошел к Алисе и поклонился. — Позвольте представиться, — произнес он низким, бархатистым голосом. — Лорд Эдвард Малькольм, наследник герцога. Я имел честь наблюдать за вами весь вечер, но не решался подойти. Ваша красота затмила всех присутствующих дам. Алиса почувствовала, как сердце забилося быстрее. Это было неестественно, пугающе. Словно кукловод дергал за ниточки. — Благодарю вас, милорд, — ответила она, стараясь сохранять спокойствие. — Вы очень любезны. — Могу я пригласить вас на танец? — спросил он, протягивая руку. Алиса колебалась долю секунды. Она понимала, что совершает ошибку, но искушение было слишком велико. Кивнув, она вложила свою руку в его ладонь.

Они вышли в центр зала. Оркестр заиграл вальс. Лорд Эдвард вел уверенно, крепко прижимая Алису к себе. Его рука лежала на ее талии, и каждый его жест говорил о владении. Он смотрел на нее так, будто видел впервые в жизни женщину, достойную внимания.

— Вы всегда посещаете такие балы? — спросил он, наклоняясь ближе, чтобы перекрыть музыку. — Нет, милорд. Мой дом находится далеко отсюда, и мы редко принимаем гостей, — ответила Алиса, чувствуя, как его дыхание касается ее уха. — Тогда почему именно сегодня? — спросил он, останавливаясь посреди танца. — Потому что иногда даже самые тихие голоса требуют, чтобы их слышали, — ответила Алиса, глядя ему в глаза. Он улыбнулся, и эта улыбка была такой искренней, что Алиса на мгновение поверила, что все происходящее реально.

Тем временем в другом конце зала леди Кларисса наблюдала за ними, кусая губы. Она видела, как ее жених смотрит на другую женщину, как он ведет ее в танце, как шепчет ей что-то на ухо. Ревность и гнев переполняли ее, но она не могла сделать ни шага. Общество осудит ее, если она устроит сцену.

После танца лорд Эдвард не отпустил руку Алисы. Он повел ее через зал, игнорируя удивленные взгляды других гостей. Беатрис и Элинора стояли у стены, перешептываясь и бросая на Алису ядовитые взгляды. — Посмотри на эту самозванку, — шипела Беатрис. — Она думает, что может занять место Клариссы? Да она же нищая оборванка! — Ти-и-ик! — вторила Элинора. — Но как он на нее смотрит... Это какое-то колдовство!

Алиса слышала их, но ей было все равно. Внутри нее разгоралось пламя удовлетворения. Она использовала зелье, и результат превзошел все ожидания. Теперь она знала, что обладает силой, способной менять судьбы.

Лорд Эдвард привел ее в небольшую гостиную, где никого не было. Он закрыл дверь и повернул ключ в замке. — Теперь мы можем поговорить спокойно, — сказал он, приближаясь к ней. — Я должен признаться вам кое в чем. С того момента, как я увидел вас, я понял, что моя жизнь изменилась навсегда. Я люблю вас, Алиса. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Алиса отступила на шаг. Его слова пугали ее. Любовь, вызванная зельем, не была настоящей. Это было принуждение, магия, лишаящая человека воли. Но разве не этого она хотела? Разве не мечтала о власти, способной сломать любые преграды?

— Милорд, — начала она, стараясь говорить твердо. — Я польщена вашим вниманием, но... — Никаких «но», — перебил он, хватая ее за руки. — Я знаю, что вы чувствуете то же самое. Я вижу это в ваших глазах.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Алиса закрыла глаза, ожидая прикосновения его губ. Но вместо поцелуя раздался громкий стук в дверь.

— Лорд Эдвард! Откройте немедленно! — раздался женский голос. — Это я, Кларисса!

Эдвард выругался и отошел от двери. Алиса воспользовалась моментом, чтобы вырваться из его рук. — Мне пора идти, милорд, — сказала она, поправляя платье. — Благодарю за танец. — Мы не закончили, — прошипел он, сверкая глазами.

Алиса выбежала из гостиной и вернулась в балльный зал. Сердце бешено колотилось. Она чувствовала себя преступницей, избежавшей наказания. Оглядевшись, она заметила Мэри, которая делала вид, что рассматривает картины на стенах.

— Ты видела? — прошептала Алиса, подойдя к ней. — Зелье сработало. — Конечно, сработало, — усмехнулась Мэри. — Я же говорила. Теперь вы понимаете, какая сила у меня в руках? Я могу продать это любому, кто захочет получить любовь. Или месть. — Не смей никому рассказывать об этом, — резко сказала Алиса. — Если хоть одна живая душа узнает, что ты дала мне зелье, я уничтожу тебя. Мэри вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. — Не волнуйтесь, леди Алиса. Я умею хранить секреты. Особенно те, которые приносят деньги.

Алиса оставила ее и направилась к выходу. Ей нужен был свежий воздух. Толпа давила на нее, а успех опьянял. Она вышла на балкон, выходящий в сад. Ночь была прохладной, звезды яркими. Она оперлась о перила, пытаясь успокоить дыхание.

— Вот вы где, — раздался голос позади нее. Алиса обернулась. Это была леди Кларисса. Девушка стояла в дверях балкона, ее лицо было бледным, а глаза полны слез. — Леди Кларисса, — пробормотала Алиса, чувствуя вину, которую не могла объяснить. — Зачем вы это делаете?

— спросила Кларисса дрожащим голосом. — Вы знаете, что он помолвлен со мной. Вы видели, как он смотрел на вас. Это несправедливо. — Я... я не понимаю, о чем вы говорите, — солгала Алиса, отводя взгляд. — Не притворяйтесь невинной овечкой! — воскликнула Кларисса, делая шаг вперед. — Вы использовали какое-то зелье, да? Колдовство! Я видела, как вы уходили с ним в гостиную. Вы опозорили меня перед всем обществом!

Алиса молчала. Она знала, что правда сделает ситуацию только хуже. Но Кларисса не собиралась отступать. — Вы думаете, что можете прийти сюда, бедная родственница, и забрать то, что принадлежит мне? — продолжала она, повышая голос. — Думаете, что можете разрушить мою жизнь ради минутного удовольствия? Вы чудовище!

Кларисса схватила Алису за плечи и встряхнула ее. — Отвечайте! Вы использовали зелье? Алиса оттолкнула ее. — Оставьте меня в покое! — крикнула она. — Я не обязана оправдываться перед вами!

Кларисса упала на колени, закрыв лицо руками. Ее плечи тряслись от рыданий. — Будьте вы прокляты, — прошептала она. — Пусть боги покарают вас за вашу жестокость.

Алиса отвернулась. Ей было стыдно, но страх перед разоблачением оказался сильнее совести. Она ушла с балкона, оставив Клариссу одну в ночи.

На следующее утро замок герцога Малькольма гудел от новостей. Лорд Эдвард объявил, что разрывает помолвку с леди Клариссой и просит руки леди Алисы де Вэйверли. Герцог был в ярости, но не мог отказать своему наследнику. Свадьба была назначена через месяц.

Алиса вернулась в свой замок. Она сидела в библиотеке, глядя на письмо, полученное утром. Внутри нее боролись два чувства: триумф и ужас. Триумф от победы над врагами, ужас от осознания того, что она стала причиной чужого горя.

В дверь постучали. На пороге стояла Марта. — Леди Алиса, пришел нотариус. Говорит, у него срочные бумаги от герцога. Алиса вздохнула. Она знала, что это значит. Формальности, подготовка к свадьбе, новые долги. Она махнула рукой, приглашая его войти.

Нотариус вошел, держа в руках кожаную папку. Это был худощавый человек с острым носом и бегающими глазками. — Добрый день, леди Алиса, — сказал он, кланяясь. — Простите за беспокойство, но дело не терпит отлагательств. Герцог требует немедленного подписания брачного контракта.

Алиса села за стол и раскрыла документы. Пробегая глазами по строчкам, она вдруг остановилась. Один пункт привлек ее внимание. — Что это? — спросила она, указывая пальцем на абзац. — О, это стандартное условие, — поспешно ответил нотариус. — Согласно нему, все земли и имущество невесты переходят в полное распоряжение супруга после заключения брака. Это необходимо для обеспечения будущего потомства.

Алиса сжала зубы. Она знала, что это ловушка. После свадьбы она потеряет контроль над Вэйверли. Замок станет собственностью Эдварда, и она превратится в марионетку.

— Я не подпишу это, — сказала она, захлопывая папку. Нотариус побледнел. — Но, леди Алиса... Герцог настаивает. Без этого условия контракт недействителен. — Тогда скажите герцогу, что я отказываюсь выходить замуж, — отрезала Алиса. — Вы не можете! — воскликнул нотариус. — Весь свет ждет этой свадьбы. Репутация обеих семей пострадает. — Моя репутация меня мало заботит, — ответила Алиса. — Передайте герцогу мои извинения. Я не выйду за его сына.

Нотариус ушел, явно недовольный. Алиса осталась одна. Она думала о том, что произошло вчера. О Клариссе, плачущей на балконе. О лорде Эдварде, одержимом любовью, которой не существовало. О Мэри, продающей свои зелья.

Ее размышления прервал новый стук в дверь. На пороге стояла Мэри. Она выглядела взволнованной. — Леди Алиса, нам нужно поговорить, — сказала она, проходя внутрь. — Что тебе нужно? — спросила Алиса, не поднимая головы от бумаг. — Я пришла предупредить вас, — ответила Мэри, нервно теребя край платья. — Леди Кларисса узнала правду.

Алиса подняла взгляд. — О чем ты говоришь? — Она знает про зелье. Она ходила к священникам, к знахаркам, ко всем, кого смогла найти. Она говорит, что вы околдовали лорда Эдварда. Что вы использовали черную магию. Алиса рассмеялась, но в смехе не было веселья. — И кто ей поверит? Никто не верит в сказки. — Дело не в вере, — возразила Мэри. — Кларисса настроила против вас общественное мнение. Люди шепчутся. Говорят, что вы ведьма, что вы принесли несчастье в семью Малькольмов. Если слухи дойдут до короля...

Алиса встала и подошла к окну. За окном падал первый снег. Белые хлопья медленно опускались на землю, покрывая мир белым саваном. — Чего ты хочешь, Мэри? — устало спросила она. — Я хочу, чтобы вы знали: если вы откажетесь от сделки с герцогом, я расскажу всем, что вы использовали мое зелье, — сказала Мэри, глядя ей прямо в глаза. — Я скажу, что вы обманули лорда Эдварда. Что вся ваша победа — ложь.

Алиса повернулась к ней. В ее глазах вспыхнул тот самый красный огонь, который она видела в зеркале. — Ты не посмеешь, — прошептала она. — Еще как посмею, — усмехнулась Мэри. — Вы думали, что сможете использовать меня и выбросить? Нет, дорогуша. Я тоже хочу власти. И я получу ее, рассказав правду.

Алиса молча смотрела на нее. Она поняла, что попала в собственную ловушку. Она использовала силу, которую не контролировала, и теперь другие хотели использовать ее саму.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Скажи герцогу, что я согласна подписать контракт. Но с одним условием. — Каким? — настороженно спросила Мэри. — Ты будешь готовить для меня зелье. Каждую неделю. И ты будешь делать это тайно. Если ты предашь меня, я найду способ уничтожить тебя.

Мэри задумалась, а затем кивнула. — Договорились.

Прошел месяц. Свадьба состоялась в главном соборе столицы. Лорд Эдвард и леди Алиса стали мужем и женой. Герцог Малькольм был доволен, хотя и не скрывал своего раздражения. Леди Кларисса исчезла из общества. Поговаривали, что она удалилась в монастырь, чтобы замаливать грехи.

Алиса переехала в замок мужа. Жизнь при дворе оказалась совсем не такой, как она представляла. Лорд Эдвард был одержим ею. Он следовал за ней тенью, дарил дорогие подарки, устраивал в ее честь праздники. Но его любовь была похожа на клетку. Он требовал от нее постоянного внимания, ревновал к каждому взгляду, к каждому слову. Он хотел владеть ею полностью, телом и душой.

Однажды вечером, спустя несколько недель после свадьбы, Алиса сидела в своих покоях, читая книгу. Лорд Эдвард вошел без стука, чего раньше никогда не делал. — Почему ты читаешь? — спросил он, подходя к ней. — Тебе скучно со мной? — Нет, милорд, — ответила Алиса, откладывая книгу. — Я просто отдыхаю. — Ты всегда прячешься за книгами, — сказал он, наклоняясь к ней. — Будто боишься меня. — Я не боюсь вас, — ответила Алиса, глядя ему в глаза. — Тогда докажи, — прошептал он, касаясь ее подбородка. — Докажи, что твоя любовь ко мне настоящая.

Его пальцы были холодными, а взгляд — требовательным. Алиса почувствовала, как внутри поднимается волна раздражения. Эта навязчивая любовь душила ее, лишала свободы. Она вспомнила о Клариссе, о ее слезах, о боли, которую она причинила. И вдруг она поняла, что ненавидит Эдварда. Ненавидит за то, что он сделал с ней, за то, что он отобрал у нее право выбора.

— Я не люблю вас, — сказала она, отстраняясь. — Никогда не любила.

Эдвард замер. Его лицо исказилось от гнева. — Что ты сказала? — прорычал он. — Ты лжешь! Ты не можешь не любить меня! Я чувствую твою страсть, я вижу ее в твоих глазах!

— Ваши чувства — иллюзия, созданная зельем, — ответила Алиса, вставая. — Вы не любите меня. Вы одержимы.

Эдвард ударил ее по лицу. Звук пощечины эхом отразился от стен комнаты. Алиса пошатнулась, но удержалась на ногах. Она коснулась щеки, ощущая жар удара.

— Как ты смеешь?! — закричал он, наступая на нее. — Ты принадлежишь мне! Я заплатил за тебя кровью и золотом!

Алиса посмотрела на него с ненавистью. Красное пламя в ее глазах вспыхнуло ярче. — Вы купили игрушку, милорд, — сказала она. — Но игрушки ломаются.

Она развернулась и пошла к двери. Эдвард попытался остановить ее, но Алиса толкнула его с неожиданной силой. Он упал на ковер, глядя на нее с недоумением и страхом.

— Ты пожалеешь об этом, — прошипел он. — Я сделаю так, что ты пожалеешь.

Алиса вышла из комнаты, хлопнув дверью. Она знала, что перешла черту. Теперь между ней и Эдвардом началась война.

Через несколько дней Алиса получила известие, которого боялась. Леди Кларисса умерла. Официальная версия гласила, что она скончалась от лихорадки, но ходили слухи, что она приняла яд. Алиса знала, что это не случайность. Она чувствовала ответственность за смерть девушки, хотя и не признавалась в этом даже самой себе.

Она сидела в саду замка Малькольм, глядя на замерзшее озеро. Холод проникал под кожу, но она не замечала его. Внутри нее росла пустота. Победа обернулась поражением. Она получила власть, но потеряла душу.

Вдруг рядом с ней возникла фигура. Это была Мэри. — Вам пришло письмо, — сказала она, протягивая конверт. — От вашей старой подруги.

Алиса вскрыла письмо. Оно было написано неровным почерком, буквы прыгали по странице. «Дорогая Алиса, Я пишу вам, потому что больше некому. Я знаю, что вы сделали. Я знаю про зелье. Я видела, как вы уходили с лордом Эдвардом в ту ночь. Я пыталась забыть, но не могу. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, я вижу ваши красные глаза. Пожалуйста, простите меня за то, что я напишу дальше. Я не могу жить с этим секретом. Завтра я пойду к архиепископу и расскажу ему всё. Я не хочу разрушать вашу жизнь, но я не могу позволить злу остаться безнаказанным. С уважением, Кэтрин»

Алиса дочитала письмо и смяла его в руке. Она посмотрела на Мэри. — Ты знала об этом? — Нет, — ответила Мэри, отводя взгляд. — Но теперь я знаю. И вы знаете, что я знаю.

Алиса встала. Решение пришло само собой. Она не могла допустить, чтобы правда вышла наружу. Архиепископ был влиятельным человеком. Если он поверит Кэтрин, ее обвинят в колдовстве. Ее брак будет аннулирован, а сама она окажется на костре.

— Пойдем со мной, — сказала Алиса, беря Мэри за руку. — Куда? — испуганно спросила Мэри. — В подвал, — ответила Алиса. — Туда, где все началось.

Они спустились в старый подвал замка Малькольм. Здесь, среди пыли и паутины, стояло то самое зеркало. Серебро потускнело, стекло помутнело, но Алиса знала, что оно все еще хранит свою силу.

— Что вы собираетесь делать? — прошептала Мэри, пятясь к стене. — Закрыть сделку, — ответила Алиса, доставая из складок платья флакон с остатками зелья. — Ты дашь мне последнее зелье. Самое сильное. То, которое убивает волю.

Мэри побледнела. — Я не могу... Это запрещено. Такие зелья... — Сделай это, — приказала Алиса, приближаясь к ней. — Или я расскажу всем, что ты торговала отравой.

Мэри дрожащими руками достала ингредиенты и начала готовить зелье. Алиса смотрела на нее, думая о том, как легко можно сломать человека. Как легко превратить друга во врага, а жертву — в палача.

Когда зелье было готово, Алиса взяла флакон. — Выпей это, — сказала она, протягивая его Мэри. — Что это? — спросила Мэри, отступая. — Последняя доза, — ответила Алиса. — Чтобы ты забыла обо всем. Чтобы ты молчала вечно.

Мэри покачала головой. — Нет. Я не буду пить это. — Тогда умри, — сказала Алиса и плеснула зелье ей в лицо.

Мэри закричала, падая на пол. Ее кожа начала темнеть, превращаясь в пепел. Через минуту от нее остался лишь дымящийся скелет.

Алиса посмотрела на свое отражение в зеркале. Стекло пошло рябью, и на мгновение она снова увидела красные глаза. Голос, сухой как песок, прозвучал в ее голове: — Наконец-то ты начинаешь понимать.

Алиса улыбнулась. Она больше не была той наивной девушкой, которая верила в доброту. Она стала чем-то иным. Чем-то древним и голодным.

Она поднялась наверх, в свои покои. Лорд Эдвард ждал ее там. Он сидел в кресле у камина, глядя на огонь. — Где ты была? — спросил он, не поворачивая головы. — Я волновался. — Гуляла, — ответила Алиса, подходя к нему.

Она достала последний флакон с зельем и подошла к мужу сзади. Он почувствовал запах и напрягся. — Что это? — спросил он, оборачиваясь. — То, что исправит наши отношения, — ответила Алиса, открывая флакон.

Она распылила зелье ему на лицо. Эдвард замер, его глаза остекленели. Он смотрел на нее, но не узнавал. Власть, которую она искала, была здесь, в ее руках. Абсолютная, безграничная.

— Теперь ты будешь слушать меня, — прошептала Алиса, склоняясь к его уху. — Всегда.

Эдвард кивнул, как марионетка. Алиса выпрямилась, глядя на него сверху вниз. Она победила. Она получила все, что хотела. Но цена оказалась выше, чем она могла представить.

В зеркале на стене отражалась пара: женщина с красными глазами и мужчина, покорный ее воле. И в глубине стекла, за их спинами, клубилась тьма, ожидая своего часа.

Доброта умерла в сыром подвале замка Вэйверли. На ее месте родилась новая сила. И миру предстояло узнать, насколько страшной бывает святая простота, познавшая вкус крови.

Глава 3. Триумфальное шествие

Смерть леди Мэри, дочери мелкого дворянина и торговки сомнительными снадобьями, прошла почти незамеченной для столичного общества. В городе, где интриги плелись быстрее, чем ткались шелка на мануфактурах купцов из Восточного предела, смерть от «разрыва сердца» или внезапной лихорадки была делом обыденным. Официальная версия гласила, что бедняжка не вынесла позора отвергнутой любви к наследнику герцога Малькольма.

Но в замке Эдварда никто больше не называл ее Алисой де Вэйверли.

Она стояла перед огромным зеркалом в своих новых покоях — апартаментах покойной герцогини-матери. Зеркало было другим, не тем ледяным провалом из подвала замка Вэйверли, но оно исправно отражало перемены. Женщина, смотревшая на нее оттуда, носила то же лицо, те же серые глаза и высокие скулы, но суть изменилась безвозвратно. Исчезла сутулость жертвы. Плечи расправились под тяжелым бархатом платья цвета запекшейся крови. Взгляд перестал извиняться за собственное существование. Теперь он требовал поклонения.

— Ваша светлость, портные прибыли, — раздался голос камеристки. — И ювелир привез тиау из королевской сокровищницы. — Пусть подождут, — бросила она, не отрывая глаз от своего отражения. — Я еще не решила, хочу ли я сегодня быть королевой или богиней войны.

Камеристка замерла в ужасе, боясь пошевелиться. Леди Кларисса исчезла в монастыре три недели назад, а новая хозяйка уже успела уволить половину старой прислуги, заменив их людьми со стальными лицами, выписанными из-за границы. Никто не смел ей перечить. Даже лорд Эдвард, который теперь следовал за ней по пятам, напоминал скорее верного пса, чем супруга.

Эдвард стоял у двери, ведущей на балкон. Он смотрел на жену влюбленными, пустыми глазами. Зелье, которое она распылила ему в лицо той ночью в старом подвале, оказалось куда сильнее обычного приворотного эликсира. Оно выжгло его личность, оставив лишь слепую, собачью преданность. Он был идеальным оружием — красивым, знатным, богатым и абсолютно послушным. Но использовать его постоянно становилось скучно. Истинное наслаждение Элей (теперь это имя подходило ей гораздо больше) получала там, где сопротивление еще теплилось.

Ей стало тесно в стенах замка Малькольм. Герцог-отец ненавидел ее лютой ненавистью, видя в ней хищницу, укравшую волю сына, но сделать ничего не мог — скандал разрушил бы династию. Общество шепталось о колдовстве, но доказательств не было. А главное — власть, которую она обрела над одним мужчиной, казалась ей каплей в море. Она хотела океан.

Первым пунктом ее триумфального шествия стал дом графа Ротервуда, отца Беатрис.

Беатрис встретила ее в холле, одетая в платье кричащего желтого цвета, призванное затмить всех присутствующих. Увидев бывшую мышку Алису, входящую под руку с собственным мужем-наследником, графиня споткнулась на ровном месте. Ее улыбка превратилась в оскал загнанного зверя. — Алиса... То есть... ваша светлость, — пролепетала она, делая неуклюжий реверанс. — Какая неожиданность. Мы думали, вы все еще оплакиваете батюшку в деревне.

Элей обвела взглядом роскошный зал. Здесь пахло деньгами старых денег — воском, пылью и отчаянием. Род Ротервудов сидел на золотой жиле, но промотал состояние на карточные долги и поддержание видимости статуса. — Оплакивать? — переспросила Элей мелодичным голосом, от которого у стоявших рядом мужчин перехватило дыхание. — Зачем скорбеть о прошлом, когда настоящее так прекрасно? Граф, полагаю, ваши дела с таможней Южного порта идут не лучшим образом?

Граф Ротервуд, грузный мужчина с лицом цвета старого бургундского, побагровел. Этот разговор должен был остаться тайной. — Откуда вам знать... — О, слухи разносятся быстро, — перебила она. — Особенно если эти слухи подкреплены долговыми расписками вашего брата-шулера. Казначейство собирается конфисковать ваш флот через месяц. Печально потерять всё из-за глупости родственника, не так ли?

Беатрис шагнула вперед, пытаясь спасти положение: — Не слушайте ее, отец! Она просто завидует моему браку с виконтом Деймоном!

Элей медленно повернула голову. На ее губах играла улыбка, которая заставила виконта Деймона попятиться. — Твоему браку? — прошипела она. — Дорогая кузина, твой брак существует только в твоих фантазиях. Виконт проиграл ваше приданое в кости вчера вечером. Если ты выйдешь за него, завтра будешь торговать цветами на площади.

В зале повисла мертвая тишина. Мужчины, до этого увлеченные беседой о политике, начали стекаться к ним, привлеченные скандалом и странной, гипнотической энергией, исходящей от новой герцогини.

Один из них, седовласый адмирал флота Его Величества, известный своей непробиваемостью и любовью к мальчикам, вдруг опустился на одно колено прямо на мраморный пол. — Миледи, — хрипло произнес он. — Ваш ум острее абордажной сабли. Позвольте мне служить вам.

За ним последовали другие. Купцы, ищущие протекции. Молодые офицеры, готовые умереть за один ее взгляд. Старые политики, желающие узнать секреты конкурентов. Они падали ниц, забыв о титулах и приличиях. Воздух наполнился запахом мужского пота, дорогих духов и животного вожделения. Это была не любовь зелья — это была чистая жажда обладания силой, которой они не понимали.

Элей смотрела на этот паноптикум тщеславия. Ей нужен был всего один человек. Тот, кто действительно имел вес. — Поднимитесь, господа, — сказала она ровно. — Я не принимаю коленопреклоненных рабов. Мне нужны союзники.

Она подошла к графу Ротервуду вплотную. От нее пахло озоном после грозы и чем-то сладким, как запах гниющих роз. — Вы хотите сохранить свой флот, граф? — спросила она тихо, чтобы слышал только он. — Хотите увидеть, как ваш брат болтается в петле за государственную измену вместо того, чтобы разорить вас? — Да... — выдохнул тот, не в силах отвести глаз от ее лица. — Тогда забудьте про свои пошлости. С завтрашнего дня Южный порт работает по моим правилам. Мой муж подпишет указ. А вы... — она взяла его пухлую руку и положила себе на талию, — будете моей правой рукой в Совете. Или левой. Решим позже.

Она оставила его стоять с открытым ртом, совершенно сломленного, и направилась к выходу. Беатрис попыталась преградить ей путь. — Ты ведьма! — выкрикнула она, брызгая слюной. — Ты околдовала их всех! Папа никогда бы...

Элей остановилась. Красное пламя вспыхнуло глубоко в ее зрачках, заметное лишь на долю секунды. — Твой папа сейчас думает только о том, как продать остатки родового серебра, чтобы выплатить проценты ростовщикам, — ласково сообщила она. — Попробуй остановить меня, Бетт. Посмотрим, кому первому вырвут язык за клевету на герцогиню Малькольм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.